

УДК 347

НАИЛУЧШЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ ОБ ОСПАРИВАНИИ И (ИЛИ) УСТАНОВЛЕНИИ ОТЦОВСТВА

© 2025 г. Е. В. Карпеева

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

E-mail: spelli1@mail.ru

Поступила в редакцию 20.11.2024 г.

Аннотация. В данной статье автор исследует вопрос о том, что должно иметь решающее значение при рассмотрении дел об оспаривании и (или) установлении отцовства: биологическая истина или интересы ребенка. Обосновывается значение интересов ребенка как критерия разрешения споров о происхождении при оспаривании и (или) установлении отцовства. На основании сравнительного анализа положений Семейного кодекса РФ и национальных актов Болгарии, Польши, Германии, Франции и Китая критически оценивается отсутствие в национальном семейном законодательстве сроков давности для предъявления исков об оспаривании и (или) установлении отцовства в отношении детей, проживающих в семье.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, отцовство, биологическая истина, срок давности, стабильность, интересы ребенка, крепкая семья, оспаривание отцовства, презумпция отцовства, установление отцовства.

Цитирование: Карпеева Е. В. Наилучшее обеспечение интересов ребенка при разрешении споров об оспаривании и (или) установлении отцовства // Государство и право. 2025. № 2. С. 167–171.

DOI: 10.31857/S1026945225020166

THE BEST INTERESTS OF THE CHILD IN RESOLVING DISPUTES ON CONTESTING AND (OR) ESTABLISHING PATERNITY

© 2025 E. V. Karpeeva

Baikal State University, Irkutsk

E-mail: spelli1@mail.ru

Received 20.11.2024

Abstract. In this article, the author explores the question of what should still be crucial when considering cases of challenging and (or) establishing paternity: the biological truth or the interests of the child. The importance of the child's interests as a criterion for resolving disputes about origin in contesting and (or) establishing paternity is substantiated. Based on a comparative analysis of the provisions of the Family Code of the Russian Federation and national acts of Bulgaria, Poland, Germany, France and China, the lack of limitation periods in national family legislation for filing claims for challenging and (or) establishing paternity is critically assessed in family.

Keywords: child-parent relations, paternity, biological truth, statute of limitations, stability, interests of the child, strong family, challenging paternity, presumption of paternity, establishment of paternity.

For citation: Karpeeva, E. V. (2025). The best interests of the child in resolving disputes on contesting and (or) establishing paternity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 167–171.

Частью 4 ст. 67¹ Конституции РФ закреплено, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Хотя понятие «семейные ценности» до последнего времени не имело легального определения в семейном законодательстве современной России¹ среди нравственных ориентиров, к семейным ценностям в п. 5 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отнесена крепкая семья. Семья является базовым социальным институтом, основополагающим и значимым для формирования личности². Если проанализировать значение слова «крепкий» в толковых словарях различных авторов, увидим, что крепкая семья та, которую трудно сломать, разбить, разрушить и т.п. Крепкая семья — залог стабильности не только государства, но и залог ощущения стабильности и защищенности у маленького человека, растущего в этой семье. В специализированной литературе по психологии отмечается, что стабильность семейной среды является важным фактором эмоциональной уравновешенности и психического здоровья ребенка. А изменения в составе семьи описываются как один из факторов, нарушающих выполнение воспитательной функции семьи, а также подрывающий чувство стабильности и защищенности.

Как отмечается в юридической литературе, в условиях глобальных изменений в мире появляются правовые лакуны, связанные с увеличением числа неполных семей и семей, в которых дети растут с неродным родителем. В связи с этим возникает вопрос, может ли биологический родитель вмешиваться в жизнь семьи, где воспитывается его кровный ребенок, заявив о своих правах на ребенка в абсолютно любой момент (когда захочется), или следует ограничить такое вмешательство каким-то периодом времени? Предполагается, что нарушение стабильности семейной системы может привести ребенка, особенно в подростковом и юношеском возрасте, к поискам опоры вне дома. В таком состоянии дети легче поддаются внешним влияниям, так как стремятся к разрядке внутреннего напряжения³. В данной статье предпринята попытка показать, как право может повлиять на создание стабильных, крепких семей и как может привести стабильную семью в состояние неопределенности, постоянного колебания.

Защита и осуществление прав и интересов членов семьи является важным правовым институтом. Возможности защиты и осуществления прав и интересов членов семьи закреплены гл. 2 СК РФ, каковая гласит, что «граждане обладают правом на свое усмотрение распоряжаться семейными правоотношениями, установленными правами». Однако следует указать, что такое распоряжение не должно нарушать прав и законных интересов любых субъектов правоотношений⁴. А также не должно противоречить принципу приоритетной защиты прав

и интересов несовершеннолетних, который нашел свое отражение в п. 3 ст. 1 СК РФ.

Прежде всего отметим, что термин «отцовство» подразумевает традиционное (кровное) родство, а также юридическое (социальное, функциональное) отцовство. Усыновление (удочерение) ребенка порождает юридическое отцовство со всеми вытекающими правовыми последствиями. Но помимо процедуры усыновления (удочерения) ребенка, в том числе внутри семьи (например, когда супруг матери усыновляет ее ребенка от первого брака), юридическое отцовство может возникнуть и в результате осознанного волеизъявления некровного отца, выраженного в момент внесения записи об отцовстве при регистрации рождения ребенка. Законом, как известно, не предусмотрено проведение генетической экспертизы при установлении отцовства в упрощенном порядке (п. 3 ст. 48 СК РФ). Вместе с тем такой порыв может быть обусловлен наличием романтических отношений с матерью ребенка, а по мере их угасания или вовсе прекращения принятое на себя обязательство начинает тяготить, становясь нежелательным бременем. С другой стороны, если все складывается стабильно и благополучно, казалось бы, проблем возникнуть не может. Однако стабильность такого юридического отцовства, как уже было отмечено, находится «под угрозой» в связи с возможным появлением в любой момент кровного отца ребенка.

Основываясь на принципе приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних⁵, проанализируем действующее правовое регулирование оспаривания и (или) установления отцовства на предмет наличия противоречий этому принципу.

В соответствии со ст. 47 СК РФ установление происхождения ребенка порождает правоотношения между ребенком и его родителями. Законодательно закреплено три способа возникновения детско-родительских правоотношений.

1. Брак как основание возникновения детско-родительских правоотношений (п. 2 ст. 48 СК РФ)

Для детей, родившихся у родителей, состоящих в зарегистрированном браке, действует презумпция «отец ребенка — это муж матери этого ребенка». В рамках рассматриваемого основания возникновения детско-родительских правоотношений необходимо наличие двух юридических фактов: происхождение ребенка от супруга матери (именно оно и презюмируется) и регистрация происхождения в органах ЗАГС в установленном законом порядке.

Презумпция отцовства, связывающая происхождение ребенка с наличием зарегистрированного брака между родителями, является правовым средством обеспечения стабильности детско-родительских отношений (как принято говорить о стабильности гражданского оборота, так можно говорить и о стабильности семейных отношений). Полагаем, что приобретение определенного семейно-правового статуса *erga omnes* с момента рождения ребенка отвечает интересам не только самого ребенка, но и его родителей. Нельзя отрицать и того, что презумпция отцовства дает ощущение стабильности и для общества, государства — у ребенка есть вполне определенные родители, которые будут заботиться о нем, создавать для него жизненно важные условия и государству не придется принимать на себя роль родителя. Иными словами, презумпция отцовства опосредует

¹ См.: Грибанов Д. В., Митин А. Н. Научное наследие Сергея Сергеевича Алексеева // Академический юрид. журнал. 2024. Т. 25. № 2 (96). С. 346.

² См.: Федорова О. В. Некоторые аспекты реализации государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 3. С. 883.

³ См.: Буянов М. И. Ребенок из неблагополучной семьи. М., 1988. С. 90.

⁴ См.: Сарина К. С. Юрисдикционная форма защиты прав и интересов членов семьи // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. С. 10.

⁵ Для определения соответствует ли принимаемое решение этому принципу автором было предложено три критерия: своевременность, полнота, правильность (см. подр.: Карпеева Е. В. О реализации принципа «наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних» в гражданском процессе // Вопросы рос. и междунар. права. 2021. Т. 11. № 9А. С. 332–343).

возникновение и развитие стабильных детско-родительских отношений поскольку позволяет считать родителем не только биологического отца ребенка, но и мужчину, который посредством вступления в брак с беременной женщиной принимает на себя родительскую функцию независимо от наличия или отсутствия биологической связи с ребенком. В этом и есть действительный современный смысл презумпции отцовства — обеспечить юридическое (социальное, функциональное) родство ребенка с отцом, хотя, конечно, чаще всего брак обеспечивает именно биологическое, генетическое отцовство.

Сказанное может быть обусловлено возникновением на практике ситуаций, когда ребенок рождается до истечения предусмотренных п. 2 ст. 48 СК РФ 300 дней после прекращения первого брака, а мать уже состоит во втором зарегистрированном браке. Исходя из буквального толкования презумпции отцовства не понятно кого записывать отцом ребенка — первого или второго супруга матери? В этом аспекте примечательно законодательство Республики Болгарии, где прямо указано, что если ребенок родился до истечения 300 дней после прекращения брака, но после того, как мать вступила в новый брак, отцом ребенка считается *муж матери в новом браке* (п. 2 ст. 61 СК Республики Болгарии)⁶.

В силу сказанного полагаем обоснованным распространение положений п. 2 ст. 52 СК РФ на лиц, принявших на себя роль отца и осведомленных к моменту осуществления записи об отцовстве об отсутствии генетического родства с ребенком.

Возможна и несколько иная ситуация, когда к моменту осуществления регистрации рождения супруг матери не знает об отсутствии генетической связи с ребенком. В этом аспекте примечательно то, что в отечественном законодательстве не предусмотрено сроков давности на оспаривание презумпции отцовства. Если анализировать зарубежное законодательство, например, законодательство той же Болгарии, то в ч. 1 ст. 62 СК Республики Болгария указано, что супруг матери вправе предъявить иск об оспаривании отцовства до истечения года со дня, когда он узнал о рождении ребенка, или, если обстоятельства, опровергающие отцовство, станут известны позднее по независящим от истца причинам, иск может быть предъявлен до истечения года с момента установления этих обстоятельств, но не позднее достижения ребенком совершеннолетия. Мать же может оспорить отцовство супруга до истечения одного года с момента рождения ребенка. Такое временное ограничение было введено в целях быстрой стабилизации детско-родительских отношений. Польский законодатель также дает год для принятия решения об оспаривании презумпции отцовства, однако течение срока начинается со дня, когда он узнал, что ребенок родился не от него, но не позднее, чем до того дня, когда ребенок достиг совершеннолетия (ст. 63 Кодекса семьи и опеки Польши)⁷. Гражданский кодекс Франции позволяет предъявлять иски об отцовстве в течение 10 лет⁸. В Гражданском кодексе Китая ничего не сказано о сроках давности для исков об оспаривании отцовства.

Соответствует ли отсутствие в национальном законодательстве сроков для оспаривания презумпции отцовства интересам ребенка и общества? Возможно ли, не нарушая прав отцов на оспаривание презумпции отцовства, защитить интересы

детей и общества, обеспечив правовую определенность, стабильность в вопросе происхождения ребенка?

Полагаем, что ответ на этот вопрос скорее положительный. Возможно путем создания гибкой нормы, которая позволила бы справедливо рассмотреть каждое отдельно взятое дело с учетом конкретных обстоятельств. Прототипом этой нормы может выступить вышеприведенное положение Семейного кодекса Республики Болгария. При рассмотрении исков об опровержении презумпции отцовства следует придать юридическое значение знанию отцом обстоятельств, опровергающих отцовство. Лицо, записанное в качестве отца, должно доказать, что в силу объективных причин не знало и не могло знать о невозможности происхождения от него ребенка. А введение срока на подачу иска со дня, когда мужчина узнал об отсутствии генетической связи с ребенком, позволит предотвратить ситуации, когда мужчина узнал, что ребенок биологически не его, но принял ребенка как своего собственного, воспитывал, содержал, заботился, а затем, по прошествии зачастую длительного времени, передумал и принял другое решение (на практике такие ситуации имеют место быть и могут быть связаны, например, с адюльтером супруги).

Полагаем, что введение срока давности для предъявления требования об оспаривании презумпции отцовства способно на практике придать больший вес интересам ребенка, чем объективной истине в вопросах происхождения ребенка. Судам необходимо будет обосновывать решение через принцип приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних, даже если отцовство будет опровергнуто ДНК-тестом.

В этом контексте приоритет отдается таким интересам ребенка, как стабильное правовое определение его происхождения, устойчивые детско-родительские отношения, сохранение ощущения стабильности и безопасности, в совокупности необходимые для правильного развития личности ребенка. Иными словами, принципиальное значение имеют стабильные детско-родительские отношения. А установление генетического происхождения ребенка не дает гарантий, что таковые возникнут.

При этом следует согласиться с А.А. Кулаковой в том, что существование правовой детско-родительской связи ребенка с человеком, не желающим его воспитывать и содержать, мало отвечает его интересам и порождает необходимость компенсации ребенку морального вреда⁹.

2. Установление отцовства на основании заявления матери и отца ребенка, не состоящих в зарегистрированном браке

В соответствии со статистическими данными, размещенными на сайте Росстата, около 22% детей (от общего числа родившихся) рождаются вне брака. Соответственно презумпция отцовства уже не обеспечивает искомый уровень стабильности в детско-родительских отношениях.

В самом благоприятном варианте родители, не состоящие в гражданском браке, подают совместное заявление об установлении отцовства в орган ЗАГС и отцовство устанавливается на основании обоюдного согласия родителей (абз. 1, 2 п. 3 ст. 48 СК РФ). Представляется, что согласие матери можно рассматривать как гарантию защиты прав и интересов ребенка, а также как меру защиты от злоупотреблений со стороны предполагаемого отца.

В силу п. 2 ст. 52 СК РФ, п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16

⁶ См.: URL: <https://lex.bg/laws/ldoc/2135637484>

⁷ См.: Kodeks rodzinny i opiekuńczy (Ustawa z dnia 25 lutego 1964 r.). URL: <https://arslege.pl/kodeks-rodzinny-i-opiekunczy/k2/> (дата обращения: 03.05.2024).

⁸ См.: Code civil des Français. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/2024-11-03/ (дата обращения: 03.05.2024).

⁹ См.: Кулакова А.А. Установление происхождения детей в свете обеспечения прав ребенка // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2019. № 4 (53). С. 54.

(ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16) не допускается удовлетворение требования лица, записанного отцом ребенка на основании п. 2 ст. 51 СК РФ, об оспаривании своего отцовства, если в момент записи этому лицу было известно, что оно не является отцом ребенка. Вместе с тем Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 указывает, что это не исключает права лица, записанного отцом, оспаривать произведенную запись по мотивам нарушения волеизъявления (например, если заявление об установлении отцовства было подано под влиянием угроз, насилия либо в состоянии, когда истец не был способен понимать значение своих действий или руководить ими). В случае совершения уголовно наказуемого деяния (ст. 179 УК РФ), повлекшего подачу заявления о внесении записи об отцовстве с пороком воли, следует предполагать довольно скорое оспаривание этой записи, а также отсутствие фактических детско-родительских отношений. В противном случае следует согласиться с мнением А. Вударски и А.А. Новикова в том, что заявление о признании отцовства имеет особый характер и юридическую силу, и к таким заявлениям не применимы положения Гражданского кодекса РФ о недействительности сделок¹⁰.

Фиктивное же установление отцовства, о котором в последнее время все чаще упоминается в новостных лентах¹¹, не порождает детско-родительских отношений и должно расцениваться как антисоциальная сделка (ст. 169 ГК РФ), поскольку противоречит основам нравственности и морали. Среди правовых последствий совершения такой сделки следует предусмотреть административную ответственность для обеих сторон сделки.

3. Установление отцовства в судебном порядке

В случае, когда предполагаемый отец отказывается признавать свое отцовство, мать (и иные лица в соответствии со ст. 49 СК РФ) может обратиться в суд с требованием об установлении отцовства.

В контексте данной статьи следует также обратить внимание на тот факт, что некоторые матери-одиночки не желают обращаться с требованием об установлении отцовства. Причины могут быть разными: от страха перед судебной тяжбой, нежелания указывать отцом ребенка «недостойного» отца, боязни, что по достижении совершеннолетия ребенок должен будет содержать своего отца до экономического благосостояния женщины, позволяющего вырастить ребенка одной. Это нарушение прав ребенка. Мать не только вправе, но и обязана добиваться установления отцовства.

В рамках заявленной тематики интерес вызывает вопрос о конкуренции норм п. 2 и п. 3 ст. 48 СК РФ, когда в силу презумпции отцовства отцом ребенка записан супруг матери, и это не позволяет биологическому отцу признать своего ребенка.

По этому поводу в п/п. 2 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 указано, что орган ЗАГС со ссылкой на п. 2 ст. 48 СК РФ может отказать в регистрации рождения ребенка с указанием в записи акта о рождении в качестве его

отца иного лица (фактического отца) на основании совместного заявления об установлении отцовства, поданного этим лицом и матерью ребенка. Предписывается, что разрешение вопроса об установлении отцовства данного лица осуществляется судом в порядке искового производства после регистрации рождения ребенка в соответствии с положениями п. 2 ст. 48 СК РФ и п. 1, 2 ст. 17 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

На практике эта ситуация может выглядеть следующим образом: супруг матери ребенка достоверно зная о том, что он не является биологическим отцом ребенка, принимает его как своего, не оспаривает запись об отцовстве, добросовестно исполняет все отцовские обязанности, испытывает любовь и привязанность к ребенку, т.е. имеют место стабильные детско-родительские отношения. Но есть такой же любящий, заботливый биологический отец, проживающий отдельно от своего ребенка. И желающий не только юридически значиться папой, но и фактически осуществлять все родительские права и обязанности, выстроить с ребенком стабильные детско-родительские отношения. В этой ситуации предполагается, что биологический отец, претендующий на запись в свидетельстве о рождении в качестве отца, достоверно знает обо всех обстоятельствах зачатия ребенка и способен определить (посчитать) ожидаемый период рождения ребенка. Соответственно, если предлагается ограничить время на принятие жизненно важного решения для мужчин, осознанно принимающих на себя роль отца в отношении неродного ребенка, следует ограничить по времени в принятии подобного решения и биологических отцов.

На практике возникают и иные ситуации, когда биологический отец не желает воспитывать ребенка, но претендует на запись в графе «отец» по каким-то иным соображениям. В таких ситуациях стабильность семьи, в которой фактически воспитывается ребенок, целиком и полностью зависит от желания биологического отца вмешаться в жизнь семьи и оспорить отцовство.

Пунктом 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 предусмотрено право суда отказать в удовлетворении иска об оспаривании отцовства в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка и исходя из приоритетной защиты его прав и интересов. Указанное коррелирует с положениями п. 3 ст. 1 СК РФ, где среди семейно-правовых принципов указаны: принцип приоритета семейного воспитания детей и принцип обеспечения приоритетной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Применительно к вышеобозначенной ситуации можно заключить, что установление факта биологического происхождения ребенка в случае наличия стабильных детско-родительских отношений может прозвучать в любой момент «как гром среди ясного неба» и разрушить гораздо более ценные отношения, разрушить крепкую семью. Нет сомнения в том, что ребенок не может иметь двух отцов, зато совершенно очевидно сложности, которые могут возникнуть у семьи в связи с установлением юридического отцовства биологического отца. Разрыв правовой связи с супругом матери, которого ребенок привык называть папой. Каждый раз при регистрации на посадку в самолет, в любом государственном учреждении, в обычных бытовых ситуациях ребенок будет «выделяться» из семьи, особенно если в семье есть и другие дети, его отчество всегда будет указывать на его «особенность». Укрепит ли это семью? Улучшит ли качество жизни этой семьи и ребенка? Ведь чаще всего биологический отец ребенка, проживающий от него отдельно, ограничивается выполнением только одной обязанности — уплата

¹⁰ См.: Вударски А., Новиков А.А. Установление происхождения ребенка: сравнительно-правовой аспект — Германия, Польша, Россия // Правоведение. 2018. № 2 (337). С. 274.

¹¹ См., напр.: В Кузбассе полицейские аннулировали вид на жительство иностранцу за фиктивное отцовство. URL: https://mvd.rf/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvn/news/item/49647469/; Фиктивное отцовство при легализации приезжих в России можно было запретить давно. URL: https://www.ng.ru/politics/2023-10-04/1_8843_law.html

алиментов. Но куда больше родительских обязанностей выполняет мужчина, ежедневно находящийся рядом с ребенком.

Таким образом, ограничение по времени предъявления требований об установлении отцовства следует рассматривать как с позиции биологического отца, юридического отца, так и с позиции самого ребенка. Ни одного из них такое ограничение не лишает прав (отец и ребенок вправе устанавливать происхождение в отношении друг друга), но отец должен принять для себя окончательное решение в отведенный срок.

4. Признание функции родителя (ст. 50 СК РФ)

В соответствии со ст. 50 СК РФ, п. 1 ст. 262 ГПК РФ возможно посмертное установление факта признания отцовства или факта отцовства. Поскольку этот способ призван установить наличие детско-родительских отношений в ретроспективе, постольку не представляет особого научного интереса в рамках заявленной тематики.

Вместе с тем, отметим, что в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 со ссылкой на ст. 12 Конвенции о правах ребенка¹² нашло свое отражение право детей «свободно выражать свое мнение по всем вопросам, затрагивающим его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства (например, по делу об установлении факта признания отцовства ребенок может быть опрошен судом по обстоятельствам, имеющим значение для правильного рассмотрения дела)».

* * *

Таким образом, все вышеперечисленные способы установления происхождения должны быть направлены на согласование интересов всех участников детско-родительских отношений и отражать общегосударственное отношение к детям, складывающиеся демографические тенденции, уровень культуры и прочие факторы. Можно сказать, что по выбору способов установления отцовства можно оценить, что для законодательной политики государства важнее: стабильность детско-родительских отношений или объективная (биологическая) истина. Но при распределении предпочтений не следует забывать о том, что самым уязвимым звеном является ребенок, именно его интересы должны защищаться в первоочередном порядке. А дозволение биологическому отцу вмешиваться в жизнь стабильной, крепкой семьи только по причине наличия кровного родства с ребенком противоречит принципу приоритетной защиты прав и наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. М., 1988. С. 90.

Сведения об авторе

КАРПЕЕВА Екатерина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Байкальского государственного университета; 664003 Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, корп. 6
ORCID: 0000-0002-8224-0168

2. Вударски А., Новиков А.А. Установление происхождения ребенка: сравнительно-правовой аспект — Германия, Польша, Россия // Правоведение. 2018. № 2 (337). С. 274.
3. Грибанов Д.В., Митин А.Н. Научное наследие Сергея Сергеевича Алексеева // Академический юрид. журнал. 2024. Т. 25. № 2 (96). С. 346.
4. Карпеева Е.В. О реализации принципа «наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетних» в гражданском процессе // Вопросы рос. и междунар. права. 2021. Т. 11. № 9А. С. 332–343.
5. Кулакова А.А. Установление происхождения детей в свете обеспечения прав ребенка // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2019. № 4 (53). С. 54.
6. Сарина К.С. Юрисдикционная форма защиты прав и интересов членов семьи // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. С. 10.
7. Федорова О.В. Некоторые аспекты реализации государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 3. С. 883.

REFERENCES

1. Buyanov M. I. A child from a dysfunctional family. M., 1988. P. 90 (in Russ.).
2. Vudarski A., Novikov A. A. Establishing the child's origin: a comparative legal aspect — Germany, Poland, Russia // Law studies. 2018. No. 2 (337). P. 274 (in Russ.).
3. Gribanov D. V., Mitin A. N. The scientific legacy of Sergei Sergeevich Alekseev // Academic law journal. 2024. Vol. 25. No. 2 (96). P. 346 (in Russ.).
4. Karpeeva E. V. On the implementation of the principle of “the best interests of minors” in civil proceedings // Questions of Russ. and International Law. 2021. Vol. 11. No. 9A. Pp. 332–343 (in Russ.).
5. Kulakova A. A. Establishing the origin of children in the light of ensuring the rights of the child // Herald of the Vladimir Legal Institute. 2019. No. 4 (53). P. 54 (in Russ.).
6. Sarina K. S. The jurisdictional form of protection of the rights and interests of family members // Baikal Research Journal. 2015. Vol. 6. No. 6. P. 10 (in Russ.).
7. Fedorova O. V. Some aspects of the implementation of state policy to preserve traditional Russian spiritual and moral values // Baikal Research Journal. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 883 (in Russ.).

Authors' information

KARPEEVA Ekaterina V. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Baikal State University; 11, bld. 6 Lenin str., 664003 Irkutsk Region, Irkutsk, Russia

¹² Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.; вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.